

7. Г. Челпанов Учебник логики. М.: Научная библиотека, 2010, 128 с.;
8. А.Ю. Нестеров, А.И. Демина Категории "значение" и "изобретение" в контексте семиотики техники // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2019, № 49, С. 42-50;
9. Гегель Наука логики. Том 2. Субъективная логика Primedia E-launch LLC, 2017 - 280 с.;
10. А.Ю. Нестеров, А.И. Демина Понятие техники в работе Фридриха Дессауэра «Спор о технике» // Экология Южной Сибири и сопредельных территорий Материалы XXII Международной научной школы-конференции студентов и молодых ученых. В 2-х томах, 2018, С. 187;
11. А.Ю. Нестеров Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: "четвёртое царство" Ф. Дессауэра // Онтология проектирования, 2016, Т. 6. № 3 (21), С. 377-389;
12. А.Ю. Нестеров, А.И. Демина Понятие интуиции в свете концепции "четвёртого царства" // Перспективные информационные технологии (ПИТ 2019) Труды Международной научно-технической конференции, 2019, С. 770-773;
13. А.Ю. Нестеров Открытие и изобретение в семиотике техники // Управление движением и навигация летательных аппаратов Сборник трудов XXI Всероссийского семинара по управлению движением и навигации летательных аппаратов, 2019, С. 151-155.

А.Е.Сериков

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ ДЕТЕЙ К ПРИНЯТИЮ И ПРИНЕСЕНИЮ ЖЕРТВЫ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ДЕТСКИХ РАССКАЗОВ Н.НОСОВА)

(Самарский университет)

В данной статье кратко сформулированы результаты исследования, направленного на обоснование гипотезы о том, что предрасположенность к принятию и принесению жертвы должна проявляться в формах детского поведения, аналогичных элементам жертвоприношения. Метод исследования состоял в анализе детских рассказов, основанном на модели ситуативной грамматики поведения.

В современной антропологии своеобразной аксиомой является тезис о том, что жертва — это «условие культуры» [4, с.6]. Правда, антропологи далеко не едины в оценке роли именно человеческого жертвоприношения. Политкорректная точка зрения заключается в том, что оно не было культурной универсалией даже в архаических обществах и тем более не является чем-то существенным в обществах современных. Альтернативная точка зрения состоит в том, что человеческое жертвоприношение в архаических обществах

было распространено повсеместно и одной из важнейших теоретических задач антропологии является объяснение «разнообразия способов изобретения людьми во всех уголках земного шара новых форм пыток, массовых убийств и человеческого жертвоприношения» [8, p.223-224]. Основатель социобиологии Э.Уилсон недавно предположил, что люди эусоциальны, т.е. биологически предрасположены к альтруизму и социальному распределению ролей, в рамках которого часть из них отказывается от собственного потомства ради того, чтобы помогать другим выращивать их детей [7, с.66-67]. С биологической точки зрения, склонность жертвовать собой ради других тесно связана с предрасположенностью принимать жертвы других или даже прямо жертвовать другими ради блага сообщества в целом. Этого требует эволюционная логика группового отбора. Например, перед основанием новой колонии молодые королевы красных огненных муравьев объединяются в группы по 10 и более особей, что позволяет победить в конкурентной борьбе с другими колониями; первоначально рабочие особи ухаживают за всеми королевами, но затем они начинают убивать королев, включая даже собственных биологических матерей и оставляя лишь одну из них — наиболее плодовитую [7, с.87-88]. Если человек действительно эусоциален, это может и должно проявляться не только в альтруизме одних, но и в предрасположенности других пользоваться плодами этого альтруизма, а также в склонности приносить и принимать человеческие жертвы.

При изучении человеческого жертвоприношения полезно различать жертвоприношение сакральной жертвы и жертвоприношение козла отпущения [1]. Также важным, хотя и не всегда эмпирически очевидным, является различие между самопожертвованием и принесением в жертву другого человека. В современных развитых обществах явное человеческое жертвоприношение, за исключением героического самопожертвования на войне и при спасении других людей, табуировано. В этих условиях основные элементы жертвоприношения реализуются распределенно, человеческое жертвоприношение осуществляется не в форме традиционного ритуала, а в форме его аналогов [6].

На основании вышесказанного можно сформулировать гипотезу: если человек эусоциален, врожденная предрасположенность к принятию и принесению жертвы должна проявляться уже в раннем возрасте, в формах детского поведения, аналогичного тем или иным элементам жертвоприношения. Как можно проверить эту гипотезу? Одним из способов проверки может быть анализ художественных текстов, описывающих детское поведение. Ранее мной была предложена модель ситуативной грамматики поведения и связанный с ней метод анализа художественных нарративов [5]. Текст непрерывно разбивается на фрагменты, соответствующие описаниям отдельных поведенческих ситуаций, каждое из которых состоит из явного либо неявного описания статуса персонажа, его психофизиологического состояния, обстоятельств его поведения, формы его поведения. Затем каждая ситуация кратко описывается, после чего можно сформулировать обобщенные описания

похожих типичных ситуаций и сравнивать их с описаниями типичных ситуаций у других авторов, в других обществах и культурах. Итак, если человек эусоциален, анализ рассказов о детях должен был выявить типичные для данной культуры ситуации и формы детского поведения, аналогичного принятию и принесению жертвы.

Определенную проблему представлял выбор текстов. Так как процедура анализа довольно трудоемкая, тексты не должны были быть слишком большими, но при этом должны были представлять определенную культуру и эпоху. Кроме того, как мне представлялось, они должны были быть доступны современному читателю. В итоге я остановился на ранних рассказах Н.Н.Носова и проанализировал первые его 4 рассказа в порядке их публикации в 1938 г.: «Живая шляпа», «Затейники», «Леденец», «Мишкина каша» (наиболее полную и подробную онлайн-библиографию Н.Н.Носова можно найти на сайте "Лаборатория фантастики"[2]). Эти рассказы, с одной стороны, отражают жизнь детей в совершенно определенных исторических условиях — в довоенном советском обществе конца 1930-х гг. С другой стороны, они продолжают переиздаваться в качестве детской классики и всем хорошо известны [3].

В результате анализа рассказ «Живая шляпа» был разбит на 29 ситуаций, «Затейники» — на 22 ситуации, «Леденец» — на 21 ситуацию, «Мишкина каша» — на 119 ситуаций. Около 20 из этих ситуаций могут быть интерпретированы как имеющие отношение к аналогам жертвоприношения.

Прежде всего, в рассказах Н.Носова типичная завязка состоит в том, что дети остаются одни в ситуации, являющейся своеобразным испытанием на самостоятельность, которое может быть пройдено либо успешно, либо нет: «Потом мама ушла в магазин...» («Затейники»), «Мне, кстати, завтра надо в город поехать. Я, может быть, задержусь. Проживёте тут без меня два дня? — Конечно, проживём, — говорю я. — Мы не маленькие!» («Мишкина каша»). В данном примере мы видим две последовательные ситуации: мама оставляет детей одних и спрашивает, справятся ли они без нее; сын, которого мама спрашивает, сможет ли он без нее прожить 2 дня на даче, говорит, что сможет. Вторая ситуация является прообразом сакральной клятвы, типичного ритуального элемента с формулой «Готов? — Всегда готов!», которую дети учатся воспроизводить многократно, чтобы в решительной ситуации во взрослой жизни ответить правильно. Типичным в подобных испытаниях является и обещание награды тем, кто пройдет их успешно: «Я ухожу, Мишенька, а ты веди себя хорошо. Не шали без меня и ничего не трогай. За это подарю тебе большой красный леденец» («Леденец»). Подобные детские испытания можно рассматривать как подготовку к более серьезным экзаменам и другим обрядам перехода, как воспитание готовности к тому, что и в детской, и во взрослой жизни люди будут постоянно делиться на успешно прошедших очередное испытание и тех, кто не смог этого сделать. Все ритуалы перехода включают в себя или явное жертвоприношение, или аналоги его элементов. В частности, праздник по поводу успешно пройденного испытания и получения

нового статуса часто сопровождается символическим принесением в жертву тех, кто испытание не прошел. Пройти на новую ступень — значит, помимо прочего, принять тот факт, что кто-то не смог или не захотел этого сделать, т.е. был принесен в жертву или пожертвовал собой.

Кроме того, типичной является ситуация отбора кандидата на самопожертвование. Когда группа детей хочет сделать что-то опасное, но интересное, дети предлагают друг другу это сделать до тех пор, пока самый смелый не предложит свою кандидатуру: «Ну, пойдй посмотри» («Живая шляпа»). Из подобных ситуаций логически вытекают формы поведения, являющиеся детским прообразом самопожертвования, подвига: «Я говорю: — Пойди сними одеяло. А Валя говорит: — Нет, ты пойдй! Я подкрался на цыпочках к столу, дёрнул за край одеяла и бегом к двери» («Затейники»).

Также типичными являются ситуации обвинения и оправдания, которые можно рассматривать в качестве аналогов осквернения и очищения, являющихся важнейшими элементами жертвоприношения. Обвинение часто принимает форму детской брани, иногда дружеской и невинной, а иногда принимающей вид обидных обзывательств. Хорошо известно, что дети склонны дразнить друг друга. Дразнилки, обзывательства и просто дружеская брань часто имеют форму явного или неявного поиска виноватого, обвинения и/или перекладывания вины с одного ребенка на другого. Дети постоянно занимаются этим, как бы проверяя способность других детей противостоять как выдуманному, так и реальным обвинениям. Тот, кто в итоге окажется виноватым или просто самым слабым в споре, может оказаться в роли кандидата на роль жертвы отпущения. «Вот видишь, — говорит, — ты думал, что воды много, а её ещё подливать приходится. — Это всё ты виноват: “Клади, говорит, побольше. Есть хочется!” — А откуда я знаю, сколько надо класть? Ты ведь говорил, что умеешь варить» («Мишкина каша»). Как только кто-то признал себя виноватым, от него требуют исправить вину, и это тоже типичная ситуация. Жертва отпущения — это тот, кто признан виновным в кризисе и принесен в жертву, чтобы все исправить.

Заключение: анализ детских рассказов Н.Носова показывает, что в детском поведении действительно обнаруживаются типичные формы, которые могут быть проявлениями склонности к принятию и принесению жертвы. Это предварительный вывод. Для того, чтобы выявить другие подобные формы и понять, являются ли они врожденными или культурно обусловленными, требуется дальнейший анализ гораздо большего объема текстов.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

Литература

1. Жирар Р. Козел отпущения / Пер. с фр. Г. Дашевского; Предисл. А. Эткинды. — Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. — 336 с.
2. Николай Носов // Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru/autor2168> (дата обращения: 07.03.20).
3. Носов Н.Н. Тук-тук-тук. Сборник рассказов. (Рисунки Г.И. Огородникова). — Москва: Детская литература, 1988 // Электронная библиотека ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=165629> (дата обращения: 07.03.20).
4. Савчук В.В. Жертва настоящего времени // Международный журнал исследований культуры. №4 (29). 2017. С.6-17.
5. Сериков А.Е. Интерпретация поведения персонажа художественного нарратива: разметка текста и ситуативный анализ // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера / отв.ред. И.В.Демин. — Самара: Сам. гуманитар. акад., 2018. — 353 с. С.255-261.
6. Сериков А.Е. Современные аналоги человеческого жертвоприношения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». Самара: Сам. гуманитар. акад., №2 (26). 2019. С.68-100.
7. Уилсон Э. Эусоциальность: Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные / Пер. с англ. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2020. — 158 с.
8. Carrasco D. 2013. Sacrifice/Human Sacrifice in Religious Traditions // The Oxford Handbook of Religion and Violence / Eds. Mark Juergensmeyer, Margo Kitts, and Michael Jerryson. — Oxford and New York: Oxford University Press, 2013: 209-235. URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/34814073/Carrasco_Sacrifice1%20%282%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 07.03.20).

А.П. Слащина

КРИТИКА ТРАНСГУМАНИЗМА С ПОЗИЦИЙ ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМА

(Самарский университет)

Феномен трансгуманизма все чаще привлекает внимание философов и социальных теоретиков в связи со стремительным развитием технологий и популяризации идей трансгуманизма. Российское Трансгуманистическое Движение одной из своих целей ставит противостояние антипрогрессивным учениям, в том числе энвайронментализму, о чем сообщает на официальной странице общества в социальных сетях. При этом оба движения активно развиваются и набирают большую популярность в России, в связи с чем особую